

Посвящается

моему сотруднику.

Авторъ

Докторъ Вернеръ

литератору Мірскому.

Вамъ, товарищъ, посылаю я записки Леонида. Онъ желалъ издать ихъ,—Вы лучше меня съумѣете устроить это. Самъ онъ скрылся. Я бросаю лечебницу и ѣду отыскивать его. Думаю найти его въ Горномъ Районѣ, гдѣ сейчасъ начинаются серьезныя событія. Повидимому, цѣль бѣгства—попытка косвеннаго самоубійства. Это—результатъ все той-же душевной болѣзни. А между тѣмъ, онъ былъ такъ близокъ къ полному выздоровленію...

Какъ только что-нибудь узнаю, сообщу Вамъ.

Горячій привѣтъ

Вашъ Н. Вернеръ.

24 июля 1902 (8 или 9—нефазборчиво).

Рукопись Леонида.

ЧАСТЬ I.

I. Разрывъ.

Это было тогда, когда только начиналась та великая ломка въ нашей странѣ, которая идетъ еще до сихъ поръ, и я думаю, близится теперь къ своему неизбежному, грозному концу.

Ея первые, кровавые дни такъ глубоко потрясли общественное сознание, что всѣ ожидали скорого и свѣтлаго исхода борьбы: казалось, что худшее уже совершилось, что ничего еще худшаго не можетъ быть. Никто не представлялъ себѣ, до какой степени цѣпки костлявыя руки мертвеца, который давилъ—и еще продолжаетъ давить—живого въ своихъ судорожныхъ объятіяхъ.

Боевое возбужденіе стремительно разливалось въ массахъ. Души людей беззавѣтно раскрывались настрѣчу будущему; настоящее расплывалось въ розовомъ туманѣ, прошлое уходило куда-то вдаль, исчезая изъ глазъ. Всѣ человѣческія отношенія стали неустойчивы и непрочны, какъ никогда раньше.

Въ эти дни произошло то, что перевернуло мою жизнь и вырвало меня изъ потока народной борьбы.

Я былъ, несмотря на свои двадцать семь лѣтъ, однимъ изъ „старыхъ“ работниковъ партіи. За мною числилось шесть лѣтъ работы, съ перерывомъ всего на годъ тюрьмы. Я раньше, чѣмъ многіе другіе, почувствовалъ приближеніе бури, и спокойноѣ, чѣмъ они, ее встрѣтилъ. Работать приходилось гораздо больше прежняго; но я вмѣстѣ съ тѣмъ не бросалъ ни своихъ научныхъ занятій—меня особенно интересовалъ вопросъ о строеніи матеріи,—

ни литературныхъ: я писалъ въ дѣтскихъ журналахъ, и это вало мнѣ средства къ жизни. Въ то же время я любилъ... и мнѣ казалось, что любилъ.

Ея партійное имя было Анна Николаевна.

Она принадлежала къ другому, болѣе умѣренному теченію нашей партіи. Я объяснялъ это мягкостью ея натуры и общепутаницей политическихъ отношеній въ нашей странѣ; несмотря на то, что она была старше меня, я считалъ ее еще не вполне опредѣлившимся человѣкомъ. Въ этомъ я ошибался.

Очень скоро послѣ того какъ мы сошлись съ нею, различіе нашихъ натуръ стало сказываться все замѣтнѣе и все болѣзненнѣе для насъ обоихъ. Постепенно оно приняло форму глубокаго идейнаго разногласія — въ пониманіи нашего отношенія къ революціонной работѣ и въ пониманіи смысла нашей собственной связи.

Она шла въ революцію подѣ знаменемъ долга и жертвы, я — подѣ знаменемъ моего свободнаго желанія. Къ великому движенію пролетаріата она примыкала, какъ моралистка, находящая удовлетвореніе въ его высшей нравственности, я — какъ аморалистъ, который просто любитъ жизнь, хочетъ ея высшаго расцвѣта, и потому вступаетъ въ то ея теченіе, которое воплощаетъ главный путь исторіи къ этому расцвѣту. Для Анны Николаевны пролетарская этика была священна сама по себѣ; я же считалъ, что это — полезное приспособленіе, необходимое рабочему классу въ его борьбѣ, но преходящее, какъ сама эта борьба и порождающій ее строй жизни. По мнѣнію Анны Николаевны, въ социалистическомъ обществѣ можно было предвидѣть только преобразование классовой морали пролетаріата въ общечеловѣческую; я же находилъ, что пролетаріатъ уже теперь идетъ къ уничтоженію всякой морали, и что социальное чувство, дѣлающее людей товарищами въ трудѣ и радости и страданіи, разовьется вполне свободно только тогда, когда сброситъ фетишистическую оболочку нравственности. Изъ этихъ разногласій рождались нерѣдко противорѣчія въ оцѣнкѣ политическихъ и социальныхъ фактовъ, противорѣчія, которыя примирить было, очевидно, нельзя.

Еще острѣе мы разошлись во взглядахъ на наши собственные отношенія. Она считала, что любовь обязываетъ — къ уступкамъ, къ жертвамъ, и главное — къ вѣрности, пока бракъ продолжается

Я на дѣлѣ вовсе не собирался вступать въ новыя связи, но не могъ и признать обязательства вѣрности, именно какъ обязательства. Я даже полагалъ, что многобрачіе принципиально выше единобрачія, такъ какъ оно способно дать людямъ и большее богатство личной жизни и большее разнообразіе сочетаній въ сферѣ наследственности. На мой взглядъ, только противорѣчія буржуазнаго строя дѣлаютъ въ наше время многобрачіе частью просто неосуществимымъ, частью привилегіей эксплуататоровъ и паразитовъ, все грязнящихъ своей разлагающейся психологіей; будущее и здѣсь должно принести глубокое преобразование. Анну Николаевну такія воззрѣнія жестоко возмущали: она видѣла въ нихъ попытку облечь въ идейную форму грубо чувственное отношеніе къ жизни.

И все же я не предвидѣлъ и не предполагалъ неизбежности разрыва. — когда въ нашу жизнь проникло постороннее вліяніе, которое ускорило развязку.

Около этого времени въ столицу пріѣхалъ молодой человѣкъ, посвятившій необычное у насъ конспиративное имя Мэнни. Онъ привезъ съ Юга нѣкоторые сообщенія и порученія, по которымъ можно было видѣть, что онъ пользуется полнымъ довѣріемъ товарищей. Выполнивши свое дѣло, онъ еще на нѣкоторое время рѣшилъ остаться въ столицѣ, и сталъ перѣдко заходить къ намъ, обнаруживая явную склонность ближе сойтись со мною.

Это былъ человѣкъ оригинальный во многомъ, начиная съ наружности. Его глаза были настолько замаскированы очень темными очками, что я не зналъ даже ихъ цвѣта; его голова была нѣсколько непропорціонально велика; черты его лица, красивые, но удивительно неподвижныя и безжизненные, совершенно не гармонировали съ его мягкимъ и выразительнымъ голосомъ, такъ же какъ и съ его стройной, юношески-гибкой фигурой. Его рѣчь была свободной и плавной, и всегда полной содержанія. Его научное образованіе было очень разностороннее; по специальности онъ былъ, повидимому, инженеръ.

Въ бесѣдѣ Мэнни имѣлъ склонность постоянно сводить частныя и практическіе вопросы къ общимъ идейнымъ основаніямъ. Когда онъ бывалъ у насъ, выходило всегда какъ-то такъ, что противорѣчія натурѣ и взглядовъ у меня съ женой очень скоро выступали на первый планъ, настолько отчетливо и ярко, что мы начинали мучительно чувствовать ихъ безвыходность. Міровоззрѣніе

Мэнни было, повидимому, сходно съ моимъ; онъ всегда высказывался очень мягко и осторожно по формѣ, но столь же рѣзко и глубоко по существу. Наши политическія разногласія съ Анной Николаевной онъ умѣлъ такъ искусно связывать съ основнымъ различіемъ нашихъ міровоззрѣній, что эти разногласія казались психологически неизбежными, почти логическими выводами изъ нихъ, и исчезала всякая надежда повліять другъ на друга, сгладить противорѣчія и прійти къ чему-нибудь общему. Анна Николаевна питала къ Мэнни нѣчто въ родѣ ненависти, соединенной съ живымъ интересомъ. Мыѣ онъ внушалъ большое уваженіе и смутное недовѣріе: я чувствовалъ, что онъ идетъ къ какой-то цѣли, но не могъ понять, къ какой.

Въ одинъ изъ январскихъ дней—это было уже въ концѣ января—предстояло обсужденіе въ руководящихъ группахъ обоихъ теченій партій проекта массовой демонстраціи, съ вѣроятнымъ исходомъ въ вооруженное столкновеніе. Наканунѣ вечеромъ пришелъ къ намъ Мэнни и поднялъ вопросъ объ участіи въ этой демонстраціи, если она будетъ рѣшена, самихъ партійныхъ руководителей. Завязался споръ, который быстро принялъ жгучій характеръ.

Анна Николаевна заявила, что всякій, кто подаетъ голосъ за демонстрацію, нравственно обязанъ итти въ первыхъ рядахъ. Я находилъ, что это вообще вовсе не обязательно, а итти слѣдуетъ тому, кто тамъ необходимъ, или кто можетъ быть серьезно полезенъ, при чемъ имѣлъ въ виду именно себя, какъ человѣка съ нѣкоторымъ опытомъ въ подобныхъ дѣлахъ. Мэнни пошелъ дальше, и утверждалъ, что въ виду, очевидно, неизбежнаго столкновенія съ войсками, на полѣ дѣйствія должны находиться уличные агитаторы и боевые организаторы, политическимъ же руководителямъ тамъ совсѣмъ не мѣсто, а люди физически слабые и нервные могутъ быть даже очень вредны. Анна Николаевна была прямо оскорблена этими разсужденіями, которыя ей казались направленными специально противъ нея. Она оборвала разговоръ и ушла въ свою комнату. Скоро ушелъ и Мэнни.

На другой день мыѣ пришлось встать рано утромъ и уйти, не повидавшись съ Анной Николаевной, а вернуться уже вечеромъ. Демонстрація была отклонена и въ нашемъ комитетѣ и, какъ я узналъ, въ руководящемъ коллективѣ другого теченія. Я

былъ этимъ доволенъ, потому что зналъ, насколько недостаточна подготовка для вооруженнаго конфликта, и считалъ такое выступленіе бесплодной растратой силъ. Мнѣ казалось, что это рѣшеніе нѣсколько ослабитъ остроту раздраженія Анны Николаевны изъ-за вчерашняго разговора... На столѣ у себя я нашелъ записку отъ Анны Николаевны:

„Я уѣзжаю. Чѣмъ больше я понимаю себя и васъ, тѣмъ болѣе для меня становится ясно, что мы идемъ разными путями, и что мы оба ошиблись. Лучше намъ больше не встрѣчаться. Простите“

Я долго бродилъ по улицамъ, утомленный, съ чувствомъ пустоты въ головѣ и холода въ сердцѣ. Когда я вернулся домой, то засталъ тамъ неожиданнаго гостя: у моего стола сидѣлъ Мэнни и писалъ записку.

II. Приглашеніе.

— Мнѣ надо переговорить съ вами по одному очень серьезному и нѣсколько странному дѣлу,—сказалъ Мэнни.

Мнѣ было все равно; я сѣлъ и приготовился слушать.

— Я читалъ вашу брошюру объ электронахъ и матеріи,—началъ онъ.—Я самъ нѣсколько лѣтъ изучалъ этотъ вопросъ, и полагаю, что въ вашей брошюрѣ много вѣрныхъ мыслей.

Я молча поклонился. Онъ продолжалъ.

— Въ этой работѣ у васъ есть одно особенно интересное для меня замѣчаніе. Вы высказали тамъ предположеніе, что электрическая теорія матеріи, необходимо представляя силу тяготѣнія въ видѣ какого-то производнаго отъ электрическихъ силъ притяженія и отталкиванія, должна привести къ открытію тяготѣнія съ другимъ знакомъ—т. е. къ полученію такого типа матеріи, который отталкивается, а не притягивается землей, солнцемъ и другими знакомыми намъ тѣлами; вы указывали для сравненія на діаманитное отталкиванье тѣлъ и на отталкиванье параллельныхъ токовъ разнаго направленія. Все это сказано мимоходомъ, но я думаю, что сами вы придавали этому больше значенія, чѣмъ хотѣли обнаружить.

— Вы правы,—отвѣтилъ я,—и я думаю, что именно на такомъ пути человѣчество рѣшить какъ задачу вполне свободнаго

воздушнаго передвиженія, такъ затѣмъ и задачу сообщенія между планетами. Но вѣрна ли сама по себѣ эта идея или нѣтъ, она совершенно бесплодна до тѣхъ поръ, пока нѣтъ точной теоріи матеріи и тяготѣнія. Если другой типъ матеріи и существуетъ, то просто найти его, очевидно, нельзя: силою отталкиванья онъ давно уже устраненъ изъ всей солнечной системы, а еще вѣрнѣе—онъ не вошелъ въ ея составъ, когда она начинала организоваться въ видѣ туманности. Значить, этотъ типъ матеріи надо еще теоретически конструировать, и затѣмъ практически воспроизвести. Теперь же для этого нѣтъ данныхъ, и можно, въ сущности, только предчувствовать самую задачу.

— И тѣмъ не менѣе эта задача уже разрѣшена,—сказалъ Мэнни.

Я взглянулъ на него съ изумленіемъ. Лицо его было все такъ же неподвижно; но въ его тонѣ было что-то такое, что не позволяло считать его за шарлатана.

„Можетъ быть, душевно-больной“,—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Мнѣ нѣтъ надобности обманывать васъ, и я хорошо знаю, что говорю,—отвѣчалъ онъ на мою мысль.—Выслушайте меня терпѣливо, а затѣмъ, если надо, я представлю доказательства.—И онъ разсказалъ слѣдующее.

— Великое открытіе, о которомъ идетъ рѣчь, не было совершено силами отдѣльной личности. Оно принадлежитъ цѣлому научному обществу, существующему довольно давно, и долго работавшему въ этомъ направленіи. Общество это было до сихъ поръ тайнымъ, и я не уполномоченъ знакомить васъ ближе съ его происхожденіемъ и исторіей, пока намъ не удастся столкнуться въ главномъ.

Общество наше значительно опередило академическій міръ во многихъ важныхъ вопросахъ науки. Радіирующіе элементы и ихъ распаденіе были извѣстны намъ гораздо раньше Кюри и Рамсэя, и нашимъ товарищамъ удалось гораздо дальше и глубже провести анализъ строенія матеріи. На этомъ пути была предсмотрѣна возможность существованія элементовъ, отталкиваемыхъ земными тѣлами, а затѣмъ выполненъ и синтезъ этой „минус-матеріи“, какъ мы ее кратко обозначаемъ.